

**КЛУБ
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ**

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ БУНИЧ

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
30 СЕНТЯБРЯ 2005 Г.**

ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:

«ГОСУДАРСТВО И ОЛИГАРХИЯ»

**МОСКВА
2005**

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ БУНИЧ

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
30 СЕНТЯБРЯ 2005 Г.**

ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:

«ГОСУДАРСТВО И ОЛИГАРХИЯ»

**МОСКВА
2005**

Содержание

Андрей Бунич. Необходимо демонтировать олигархическую систему управления	3
Андрей Бунич. Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации ...	5
Андрей Бунич. Они притаились в Лондоне и ждут...	13
Андрей Бунич. Позади ли потрясения?	15
Андрей Бунич. Мы смешали олигархам карты	18
Виктория Петрова. Кто заменит олигархов?	
Точка в деле залоговых аукционов еще не поставлена	20
Андрей Князев. Что ждет Россию после крушения олигархов?	22
Андрей Бунич. Технология ГКЧП или реванш олигархов	24
Андрей Бунич. Сцилла всепрощения и Харибда национализации	26

Андрей Бунич. Необходимо демонтировать олигархическую систему управления

Правительство и президент последнее время уделяют довольно большое внимание предпринимательству в стране, но проблемы все же остаются. Об этом мы поговорили с президентом Фонда общественных объединений предпринимателей и арендаторов России Андреем Буничем...

– Для чего предназначен Союз общественных объединений предпринимателей и арендаторов России? Кого и от чего он защищает? Вы считаете, что до сих пор существует давление на предпринимателей?

– Давление на предприятия, конечно, чувствуется. Существует достаточно серьезное административное влияние, которое ощущается в каждом регионе. И, кстати, в регионах оно ощущается сильнее.

Если в Москве можно достучаться до каких-то контролирующих органов, то в регионах это сделать гораздо сложнее. А там, где пока еще не созданы соответствующие федеральные структуры, сделать это просто не реально.

– Предприниматели испытывают большее давление со стороны федеральных или региональных властей?

– Конечно, есть давление и со стороны федеральной власти, но больше неприятностей предприниматели испытывают, конечно, со стороны властей региональных. В регионах творится полное бесправие.

– Есть регионы, в которых ситуация выглядит сложнее?

– Я недавно был в Новгороде, который считается хорошим регионом для развития предпринимательства, где действует прогрессивный губернатор Михаил Прусак, но даже там все достаточно плохо. Все монополизировано, созданы условия, в которых можно продавать водку или мороженое только избранным предприятиям. При этом бизнес получается с некоторым инициативным уклоном, хотя, еще раз подчеркиваю, что Новгородская область – одна из наиболее продвинутых для предпринимательства. А есть еще и Башкирия, и Татария, где дела обстоят намного хуже.

– Вы говорите о коррупции?

– Существует модель бывшей государственной структуры, которая прикрывается фиговым листком якобы капиталистической системы, оставшаяся на практике прежней.

В конце восьмидесятых годов было две линии политики. Одна из них была направлена на реальные экономические реформы, потому что именно их требовала экономика страны, для того чтобы быть конкурентоспособной на мировом рынке. Нужны были новые люди, новые методы и подходы к решению экономических проблем... И реальное реформирование тогда действительно могло произойти, но этого не случилось в полной мере.

В тот момент правящая номенклатура испугалась, что она окажется лишней в процессе и не сможет удержать командные высоты в экономике. Поэтому они, по сути дела, сорвали про-

цесс реформ и поставили на их место смену вывесок, практически подтасовав процесс реформ вывесками, за которыми уже не было содержания, а остались одни только лозунги. И это произошло под видом радикальных реформ. Тогда люди, которые в конце девяностых начали заниматься бизнесом, почувствовали это на себе.

Нужно было запустить процесс реформ, когда в экономике должен был появиться новый класс собственников, инициативные и предприимчивые люди. Но это стало угрожать политическому влиянию распределительного механизма. И тогда функционеры, фактически наплевав на эффективность системы, пытались сохранить ее в том виде, к которому они привыкли, где они могли делить и распределять.

Так и получилось. Для России они ничего хорошего не сделали, а для себя что-то урвали. И все последующие годы мы платим дань этому Политбюро и никак не можем от него избавиться.

– Поэтому экономика страны находится фактически в стагнации?

– Мы вынуждены были пойти на компромисс с этим распределительным механизмом. Пришлось отдать на откуп страну, которая в итоге опять оказалась не конкурентоспособной.

– Из того Политбюро уже и в живых-то никого нет.

– Но они передали все по наследству. Лично они в экономике уже не присутствуют, но осталась структура, которую воспроизвели в новых исторических условиях.

– Почему Вы все время советуете, а не участвуете в принятии решений. Вас не приглашают или сами не хотите?

– Я не люблю сутками сидеть в кабинете, и мне гораздо ближе общественная, экспертная деятельность. Не люблю я перебирать бумажки. Есть люди, которым это нравится, но это не мой профиль.

– Если Вы сейчас стали бы премьером, могли бы предложить программу действий?

– Во-первых, я никак не предусматривал такую возможность, а со своей нынешней позиции могу предложить двенадцать пунктов, которые мне представляются наиболее важными.

Я считаю, что необходимо наконец демонтировать олигархическую систему управления. Вторым пунктом я бы обозначил гибкое государственное регулирование экономики с учетом опыта Запада.

В третьих, мне кажется, что нужна частичная деприватизация просто для восстановления справедливости.

Необходимы и другие меры в том числе и социального характера, но самое главное состоит в том, что нельзя допустить, чтобы коррумпированная бюрократия могла превратить самые лучшие идеи в их полную противоположность.

Беседовал Алексей Диевский

Опубликовано на портале «Кремль.org» 14 апреля 2005 г.

Андрей Бунич. Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации

Умственная жизнь современной России ознаменована примечательным феноменом, который, используя известный образ Джорджа Оруэлла, можно было бы назвать «квазилиберальным двоемыслием». Что понимал под двоемыслием английский писатель, и какое отношение это имеет к российским реальностям?

Нетрудно заметить, что ответ на первый вопрос является несравненно более простым, чем ответ на второй. В своем неувядающем романе «1984» Оруэлл определил двоемыслие как способность держаться разом двух противоположных убеждений. Это, так сказать, теорема; а вывод из нее выглядит так: «Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобится, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь – все это абсолютно необходимо». Абсолютно необходимо, добавлю от себя, для рыцаря двоемыслия – либерального в той же мере, что и всякого другого, например, коммунистического.

Говорить о квазилиберальном двоемыслии дает мне право, во-первых, та пикантная поза, какую сейчас объективно занял российский либерализм: политически и идеологически он находится как бы в оппозиции, не будучи окончательно чужд даже улице, а административно и персонально – как бы во власти. Во-вторых, из такой неоднозначной ситуации либерализма вытекает его субъективное позиционирование, способ мышления и речи. Так, отечественные либералы, с одной стороны, вынуждены, дабы не нарушать нормы политкорректности, следовать официальному мнению относительно так называемого «дела ЮКОСа», которое независимо от своей политической подоплеки выявило истинное – неприглядное – экономическое лицо отечественной олигархии, а с другой – всячески подталкивать президента РФ к так называемой «приватизационной амнистии», то есть тотальному отпущению грехов по залоговым аукционам середины 90-х гг., которые породили олигархию, и ставить последней в заслугу экономический подъем России в начале III тысячелетия от Р.Х. В роли поборника «либерального двоемыслия» выступило не столько даже политико-идеологическое течение («узок их круг»), сколько идеологическое веяние, подкрепленное организационным уклоном, которое я называю «либеральным фундаментализмом».

Либеральный фундаментализм, если разобраться, очень незамысловат. Вот его главные догматы. Рынок сам все отрегулирует. Государства же не нужно, и ему надлежит по возможности быстрее ретироваться из экономической жизни. Эта догматика, каковую на Западе никто всерьез не принимает, к сожалению, легко прижилась на российской почве. И ясно, почему: крупнейшие монополии, в результате приватизации оказавшиеся в частных руках и теперь фактически выполняющие функции государства, решили использовать эту теорию в своих интересах. Для них либерализм — это действительно свобода, потому что они могут делать все что угодно, а с ними поделаться ничего нельзя. Поэтому как-то неза-

метно получилось, что у нас все лидеры либералов — это есть либо главные монополисты, либо их представители. Само по себе это абсурд, поскольку «либерал-монопольист» - понятие несуществующее, так как эти термины несовместимы. Таким образом, мы имеем дело с бюрократическим и олигархическим монополизмом, прикрытым либеральной фразеологией. Характерно, что настоящие предприниматели хорошо понимают это положение и всегда выступали против такого «либерализма», но их голоса не были слышны. То, что происходило у нас в экономике в 90-е годы, никакого отношения к либерализму не имеет. Даже в своей «очищенной» форме либерализм далек от любых крайностей и требует одновременного применения инструментов государственного регулирования. На Западе со времен Кейнса существуют механизмы коррекции экономических процессов со стороны государства, которые, однако, не противоречат фундаментальным основам рыночной экономики и свободе предпринимательства.

Тот факт, что «неладно что-то в государстве Датском», что с отечественными олигархами не все в порядке, что залоговыми аукционами была подведена мина под российское предпринимательство, хорошо понимают квалифицированные зарубежные наблюдатели процессов в России. Заместитель директора Центра Дэвиса по изучению России и Евразии при Гарвардском университете Маршалл Голдман заявил: «Накопив и капитал, и тактический опыт на черном рынке и других нелегальных предприятиях, эти умные и амбициозные люди знали, как действовать в обществе дефицита. Применяя нелегальные методы работы с капиталом и кредитами, многие олигархи учреждали банки, использовали прибыль для эксплуатации реформаторской ваучерной системы и скупали ресурсы страны. Они вынесли свою подпольную тактику на поверхность, - сказал Голдман. - Они получили преимущество. Более того, для достижения своих целей они использовали обман, угрозы и насилие».

И в другом месте: «Создав дефектный фундамент, строители должны жить в постоянном ожидании того, что их здание приватизации будет периодически трясти, а то оно и вовсе разрушится». Неутешительное резюме Голдмана: «Это - дамочлов меч, занесенный над головами предпринимателей. Где гарантии, что Путин или его преемник, или кто-то еще не скажет: вы заплатили лишь сто миллионов долларов за имущество, цена которого миллиард, сделка была нечестной, и мы сажаем вас в тюрьму. Такое может быть не только в Москве, но и в провинции, и не только с олигархами, но и с “маленькими” людьми. Именно поэтому я столь резко критикую ваши реформы, потому что такие деятели, как Анатолий Чубайс и его американские советники, сотворили монстра». Как известно из истории, против монстров плохо помогают заговоры, даже если они произносятся с лучшими либеральными намерениями. Тут показаны более действенные средства.

Главное из них – отказаться от квазилиберального двоемыслия и взглянуть прямо в лицо российской реальности, трезво оценить результаты приватизации и, в первую голову, залоговых аукционов. Которые, скажу без обиняков, не были приватизацией ни по своей букве, ни по своему духу, а были передачей бюрократами обманным путем, в тайне от общества, в руки специально отобранных людей наиболее ценного в государственной собственности. Что до российской реальности в той ее части, которая сложилась под воздействием экономической политики радикальных реформаторов 90-х, ее трудно квалифицировать иначе, чем как парадоксальную. И в этом смысле Россия идет особым путем: парадоксы у нас – не плоды досугов блестящих умов, а хитросплетения самой действительности. Конкретно же я хотел бы остано-

виться на парадоксах российской приватизации. Собственно, они-то и составляют *raison d'être* квазилиберального двоемыслия.

Парадокс первый: приватизация на всех трех ее стадиях (их символами являются ваучер, красный директор и залоговый аукцион) проводилась под знаменем создания эффективного частного собственника, который сумеет рационально распорядиться «бесхозным» национальным богатством, а ее итогом стало формирование сословия «собак на сене», которые толком не ведают, что им делать со свалившейся на них собственностью (если не считать таким делом ее разграбление). Попробую объяснить. Считается, что частный предприниматель, как правило, значительно лучше хозяйствует, чем чиновник-бюрократ. Однако в России во многих случаях, особенно, когда речь идет о крупнейших предприятиях, повышения эффективности не произошло. Это связано со многими факторами и, прежде всего, — с отмеченной Голдманом неуверенностью собственников этих предприятий в том, что они получили эти предприятия навсегда, с юридической сомнительностью главных приватизационных сделок. Стимулы к эффективности снижают также искус паразитировать на уникальном положении этих предприятий и извлекать ренту, а также сверхприбыль от экспортно-импортных операций. Как бы то ни было, не произошло реального улучшения в работе этих предприятий, внедрения новых технологий производства, изобретений и ноу-хау, а также новых форм организации и управления. Совершенно не оправдались надежды на привлечение инвестиций: чем крупнее приватизированное предприятие, тем меньше объем привлеченных инвестиций относительно активов капитализации предприятия.

Что касается пополнения бюджета (второй, после эффективности работы, показатель), то доходы от крупных приватизационных сделок не играли серьезной роли для бюджета, а во многих случаях — например, на залоговых аукционах — суммы, полученные государством, были смехотворны. При этом даже эти суммы фактически были проплачены самим государством, т.е. переложены из одного кармана в другой. Отмечу, что увеличение сбора налогов от приватизированных предприятий действительно имеет место при приватизации малых и средних предприятий, которые стали приносить больше налогов в бюджет. Однако это с лихвой «компенсировалось» неуплатой налогов крупнейшими налогоплательщиками: они недоплатили в казну за 10 лет столько, что успешная работа всех остальных налогоплательщиков все равно не может помочь залатать бюджетные дыры. Еще одним ярким свидетельством неэффективности приватизации является случайное распределение собственности по принципу «Кто был ближе в момент распределения». Причиной тому явилось отсутствие продуманной стратегии приватизации, ее политизированность и игнорирование структурных реформ.

Парадокс второй: одной из важнейших задач приватизации и экономической реформы было обеспечение конкуренции, развитие предпринимательства и частной инициативы; а из недр преобразований на свет божий появилась, прошу прощения за этот мифологизм, гидра олигархического монополизма, который душит конкуренцию, малый и средний бизнес. Радикальные реформаторы полностью отошли от целей создания конкурентной среды и неожиданно стали делать прямо противоположное: а именно, передавать в руки частным компаниям естественные монополии, которые после залоговых аукционов сохранили исключительное положение на рынке и стали беззастенчиво эксплуатировать полученные возможности извлечения моно-

польных сверхдоходов. Таким образом, монополистические тенденции после приватизации не только не исчезли, но даже усилились. Это относится как к естественным монополиям, так и - в более широком плане - к приватизации в виде акционирования государственных предприятий с сохранением за ними определенной доли рынка, доступа к кредитам, преференций, позволяющих единовластно контролировать сегмент рынка.

Парадокс третий: радикальные реформаторы клялись и божились своим горячим стремлением уйти от Госплана и Госснаба, а фактически учинили новый гигантский распределитель, отнюдь не лучше советского. Когда после приватизации развеялся реформаторский туман обещаний и посулов, оказалось, что вместо свободы рынка налицо сохранение распределительных тенденций в экономике. Крупнейшие акционерные общества наяву предстали обыкновенными бюрократическими и распределительными конторами. Произошло воспроизводство отношений административно-командной системы в новых исторических условиях. Пышным цветом расцвели такие явления, как «бюрократический бартер», «административная валюта», «телефонное право» — то есть внеэкономические, внерыночные механизмы и взаимоотношения. Кроме того, это породило порочную систему оценки работы предприятий. Ведь именно переход к объективным показателям был одной из главных целей реформ. А вышло так, что в новой российской экономике работа предприятий оценивается исключительно субъективно и индивидуально. Практически у всех крупных предприятий индивидуальные условия налогообложения, кредитования, доступа к ресурсам, уровень тарифов и т.д. Чиновники научились распределять по-капиталистически. Снова в нашем любезном отечестве коммерческие результаты зависят не от предприимчивости, а от близости к телу.

Парадокс четвертый: важной частью реформ было создание новой системы интересов, стимулов и мотиваций участников экономической деятельности, которая была бы нацелена на создание, рост, процветание, инновации; в натуре же была запущена разрушительная для экономики система мотиваций под условным названием «игра с нулевой суммой». При такой системе стимулов, когда кто-то выигрывает – другой обязательно должен проиграть. Никто из участников экономических процессов не заинтересован ныне в развитии и создании нового, увеличении национального богатства, все заботятся только о перераспределении — захватить, отнять, поделить. В результате пирог, который делится, становится все меньше и меньше, а остревение, с которым участники игры бьются за куски пирога, – все ожесточенней. Постепенно «игра с нулевой суммой» становится «игрой с убывающей суммой».

Действительно, участникам процесса не важно, как работают предприятия, у них нет интереса развивать бизнес. Их цель – урвать что-то или удержать захваченное. При такой системе мотивации участников невозможно нормальное функционирование как отдельных предприятий, так и экономики в целом. Те, кто преуспевают в условиях постоянного передела и захвата, чаще всего, по своему складу, неспособны на нормальную работу, у них нет для этого профессионализма, навыков, желания — это совершенно другой слой людей, просто лишенных чести и совести. Интересно, что при самоедском строении экономики не срабатывают законы эволюции: они могут действовать с точностью до наоборот. Выигрывают не сильные, а слабые, так как слабые в эволюционном отношении индивиды могут оказаться сильнее в этой простой деятельности, а сложные функции остаются невостребованными. Кроме того, слабые объединяются в группы. Это возможно лишь потому, что система не является замкнутой, изолированной, иначе она вообще разрушилась бы. Поскольку система связана с другими крупными системами — с мировой экономикой, постольку сильные в дарвиновском, эволюцион-

ном смысле индивиды, приспособленные для выполнения сложных функций, вытесняются из системы через эмиграцию на Запад, где как раз востребованы их способности.

Парадокс пятый: крупнейшим ориентиром демократических преобразований было устранение недееспособной коррумпированной номенклатуры, приход к командным позициям в государстве и экономике новых компетентных людей, налаживание эффективных механизмов ротации кадров; а на деле была воссоздана иерархическая вертикаль, делами в стране рулит новая номенклатура и слегка освеженная бюрократия, олигархия едва не подмяла под себя окончательно государство. В пору «семибанкирщины» Россия была на грани этого. Кадровой революции, на которую надеялись энтузиасты перемен на рубеже 80-90-х гг., так и не случилось. Бюрократия оправилась от шока, приспособилась к переменам и даже научилась контролировать бизнес и предпринимательство. Для начала государственные ведомства просто стали переименовывать в акционерные общества и называть частными. Последовавшая за сим приватизация производилась по большей части в интересах воссоздания старой советской иерархии и политически имела смысл конвертировать властные полномочия старой советской номенклатуры в контроль над собственностью и финансовыми потоками. Вначале были воссозданы ЦК КПСС — через директорскую «прихватизацию» с ее лозунгом «Даешь каждому директору по заводу!» Этим путем весь слой партocrats-назначенцев ЦК КПСС (несколько тысяч человек на ключевых должностях) превратился в капиталистов-собственников. В ходе директорской «прихватизации» горе-директора, нерадивые хозяева, неумехи, люди, не знающие ни производства, ни бизнеса, но поднаторевшие в интригах и знающие, как потрафить бездельникам на своем предприятии, — такие вот директора стали собственниками. А дальше, раз есть ЦК КПСС, то необходимо Политбюро, которое и было реанимировано через залоговые аукционы 1995 года, политическим смыслом которых было взращивание олигархии. Олигархии — это назначенные чиновниками персоны, «уполномоченные» в свое время стать миллиардерами. В итоге была восстановлена вся советская вертикаль как на местном уровне, так и в каждой отрасли.

Парадокс шестой: принципиальным доводом в пользу приватизации была нехватка инвестиций в экономику, и как раз в этой области мы видим колоссальный провал: сегодня инвестиций в крупные объекты практически нет.* Более того, как уже отмечалось, тут возникает худший тип собственника — собственник тревожный, нервный, все время ждущий отъема и экспроприации. Такой собственник значительно хуже государства, так как в отличие от государства он не несет никакой ответственности на перспективу, а в сравнении с настоящим собственником — не заинтересован развивать предприятие. Наоборот, происходят хищническое разворовывание предприятия и ничем не контролируемый вывоз капитала, которые убивают нашу экономику уже 12 лет. Инвестиционный цикл на крупных предприятиях подорван. Это является яркой иллюстрацией того, что приватизация многих крупнейших предприятий (газ, нефть, электроэнергия, транспорт, связь) в наших условиях не имеет смысла. 90% проблем вокруг приватизации, нарушений, споров, скандалов дали именно эти сделки. И прежде всего по причине отсутствия инвестиций, причем не только дополнительных, а даже тех, которые не состоялись из-за оттока ресурсов.

Парадокс седьмой: создание правового государства и действующей «по правилам честной игры» экономики было приоритетом реформ, однако строители нового правового государства сделали столько юридических нарушений при построении новой экономики, что дискредитировали наше экономическое законодательство и торпедировали дальнейшее хозяйственное развитие страны. Прежде всего, оказалась невозможной нормальная капитализация акций крупных

предприятий. В результате фиктивных, притворных, мнимых, ничтожных сделок создавались акционерные общества, чьи акции заведомо не могла стоить дорого на Западе: действительно, не может же дорого стоить краденое? Другие распространенные нарушения были связаны с превышением полномочий участниками сделок. Прежде всего, это касается так называемых указов «прямого действия», когда президент Ельцин, забыв про конституцию, напрямую, минуя правительство, раздавал собственность, акции, здания, кредиты, делал взносы в уставные фонды и т.д. Все это может быть легко отменено или оспорено, причем не только постановлением российского суда, но в случае международных споров — иностранными судами. Постоянно превышали свои полномочия и местные власти, губернаторы, которые раздавали не принадлежащие им объекты федерального подчинения. Повсеместной являлась практика, когда приватизированные предприятия брали на себя обязательства при приватизации, а затем их просто не выполняли — это касается как инвестиционных контрактов, так и соглашений о развитии и содержании социальной сферы целых регионов. Кроме того, очень часто обходились план приватизации, программа приватизации, запретительные списки, зачастую приватизировались стратегически важные объекты, что ставило под угрозу обороноспособность и безопасность страны.

Однако вершиной правового беспредела все же определенно можно назвать залоговые аукционы 1995 г. Всего их было 12 — среди них ЮКОС, «Сибнефть», «Норильский никель» и др. Ситуация с аукционами не имеет вообще никакого логического объяснения, Правительству вдруг понадобились 650 млн. долларов. Их можно было легко занять — либо на рынке ГКО (хотя это и не очень красиво), либо на внешнем рынке. Относительно общего долга в 150 млрд. долларов это — крохи. Но тут не правительство, а Потанин — тогда еще банкир — высказал «идею», что надо заложить акции крупнейших объектов с суммарной капитализацией 100 млрд. долларов. И это было сделано. Причем еще более странно, что спустя два года государство и не подумало вернуть себе утраченное за бесценное имущество: оно из заложенного стало собственностью залогодержателей.

Парадокс восьмой: изначально приватизация должна была обеспечить социальную справедливость, а ее итогом стало невиданное в мире расслоение общества на кучку сверхбогачей и большинство населения, живущее на грани бедности или за ней. Действительно, приватизация в бывших социалистических странах отличалась от той, которая проводилась на Западе. У нас все имущество было общим, принадлежало всему народу, а, кроме того, официально больших денег для платной приватизации на тот момент ни у кого быть не могло. Поэтому через бесплатную — ваучерную — приватизацию социальное напряжение предполагалось снять, обеспечив ее народную поддержку. Идея была простой: частная собственность должна быть честной. Почему было так важно обеспечить приятие обществом результатов приватизации? Дело в том, что право не является абстрактным понятием. Оно тесно связано с моралью, и право собственности — не исключение. Существуют различные уровни права — от права сильного, по принципу: я сильнее, значит я прав; через право власти, государства, когда появляется некая структура, обеспечивающая интересы всех; к праву гражданского общества, когда индивид уже может защищаться от государства. Поэтому, если при передаче собственности возникли противоречия, если у людей появилось ощущение несправедливости, это означало, что правило бал лишь право сильного. Но когда кто-то становится мощнее сильного, он может оспорить его право; что и происходит сейчас. Общество же не будет защищать и признавать такое право. В силу этого чудовищная социальная несправедливость, фарс ваучеризации, явный обман привели к очень сомнительной легитимности крупнейших собственников (речь идет именно о крупных предприятиях, так как при-

ватизация остальных признана обществом). Возникло усеченное, чисто формальное право, не обеспеченное социально. Все это породило чудовищное отторжение людей, духовный кризис.

Кроме того, приватизация не только отстранила население страны от дележа принадлежащей ей ранее общенародной собственности. Это еще полбеды. В довершение мытарств населения оказалось, что произошла лишь приватизация доходов олигархами, а расходы остались на государстве. Иными словами, государство не только не дало держателям ваучеров кусочек собственности (пресловутые две «Волги»), но и отняло у себя самого те источники дохода, которые позволяли финансировать социальные программы!

Парадокс девятый: практически все лидеры реформ – западники, но построенные ими государство и экономика весьма отдаленно напоминают западную демократию, почти не источают дух предпринимательства, свободы и конкуренции. Вместо вестернизации мы получили архаизацию. В нашем случае, это своего рода «неофеодализм». Специфические черты этого строя – господство бюрократа и олигарха, а точнее - их нерушимый союз, аналогичный союзу коммунистов и беспартийных в советскую эпоху. Подобно феодалам, олигархи получили от президента в подарок лучшие куски собственности, а совместно с бюрократами они жестко контролируют экономические процессы. Настоящие механизмы внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции не работают, не существует реального ценообразования путем соотношения спроса с предложением, не соответствуют экономическим законам макроэкономические параметры, доминирует административный диктат, а не свободный рынок. Произошла подмена понятий, социальная мимикрия, когда под новой, уже капиталистической оболочкой воссоздаются иногда либо элементы советско-номенклатурной системы, либо даже феодальные элементы, что-то из эпохи царского и помещичьего строя. К сожалению, подобная смена вывесок в политике и экономике привела к полному отчуждению населения от экономической, предпринимательской деятельности, сделав большинство людей – причем как просто наемных работников, так и менеджеров, а также малых предпринимателей, – лишь винтиками в гигантской бюрократическо-олигархической машине, лишенными возможности реализовать свой личностный, творческий, предпринимательский потенциал. Олигархический капитализм по своей внутренней природе тоталитарен.

Парадокс десятый: новая демократическая и рыночная Россия должна была стать более современной, готовой к внутренним и внешним вызовам, к глубокой трансформации и эволюции; однако построенная за 12 лет экономическая система и сопутствующая ей политико-идеологическая конструкция не обладают чертами реальной устойчивости, а постоянно репродуцируют системный кризис. Проблема заключается в том, что та экономика, которая сложилась у нас, объективно и неумолимо ведет к кризисным явлениям: кризисы для нее естественны. Несмотря на то, что после гайдаровской шоковой терапии и дефолта Кириенко всем казалось, что серьезные потрясения уже позади, это далеко не так. Пока сложившаяся в нашей экономике олигархическая, бюрократическая, криминальная структура не поменялась, кризис не только возможен, он неизбежен. Олигархическая структура не конкурентноспособна, не в состоянии обеспечить рост ВВП.

В нашей истории 2005 год станет поворотным пунктом. Или – или. Либо президент, сделав окончательный выбор, пойдет по пути серьезных экономических реформ, смены политической парадигмы, отказа от провалившихся либеральных концепций и приступит к разрушению олигархического строя и разумному, гибкому государственному регулированию, модер-

Клуб «Красная площадь»

низации, инновациям, освоению новых технологий, поощрению малого и среднего бизнеса, экономической свободе и настоящему предпринимательству, либо нас может ожидать период стагнации, усиления негативных тенденций, а может быть – и бархатная революция.

* Кстати, все, что говорилось здесь, относится к крупным объектам. Что же касается малых и средних предприятий, и по показателям эффективности, и по привлечению инвестиций с ними все в порядке.

Опубликовано в «Литературной газете» 4 июля 2005 г.

Андрей Бунич. Они притаились в Лондоне и ждут...

Я вывел формулу: монетизация плюс приватизация равно «бархатная революция». Скандал, связанный с монетизацией, скандал, связанный с приватизацией – вот что подрывает рейтинг президента. А в нашей стране только доверие народа к президенту – гарантия политической стабильности.

– Тогда зачем же президент пошел на то, чтобы провести такую непопулярную реформу, как монетизация льгот?

– Президента убедили проводить монетизацию. Ему сказали, что так хорошо, что так принято во всех развитых странах. Хотя, на самом деле, это полностью противоречит мировой практике. Наоборот, в Америке в каждом штате принимают законы о возврате натуральных льгот. Сегодня один штат за другим идет по этому пути. А мы идем, якобы, на основании западного опыта, к монетизации.

Президент же не может во всем разбираться. Ему сказали, что это очень полезно и нужно. А потом, когда сделали, уже было поздно. Поэтому я и говорю, что протаскивают непопулярные решения, а потом на него возлагают ответственность. И потом его рейтинг падает. А тех, кто президента убеждал – их никто не знает. Вообще, до сих пор не ясно, кто активней других протаскивал монетизацию. А президента знают все, поэтому на него и падает тень.

– А приватизация здесь причем? Вы имеете в виду новые приватизационные сделки, которые сегодня осуществляются негласно?

– Здесь главное – даже не скрытность этих сделок, здесь главное – скандал. Скандально проведенная приватизация может сработать спусковым механизмом «бархатной революции». Так было на Украине: скандал, связанный с «Криворожсталью», потом – раскрутка скандала, и все эти события. Там как раз после «Криворожстали» все это и началось.

– И что, Вы считаете, что окружение президента сегодня собирается протаскивать скандальную приватизацию, не взирая на возможные последствия?

– Ну, попытаться могут дурь какую-то начать делать. Это вызовет негативную волну. В частности, по «Связьинвесту» может быть предпринят какой-то ускоренный шаг. Вы помните, какой в 1997 году был грандиозный скандал, когда 25% «Связьинвеста» приватизировали? А сейчас речь о 75%-ом пакете. Ну где вероятность, что не будет скандала?

Естественно, чтобы таких скандалов не возникало, нужно обсуждение в обществе приватизационных сделок, нужна гласность вокруг проблем собственности, нужно объяснить людям: зачем и что делается.

– Но вряд ли эти скандалы способны вызвать массовое возмущение.

– Я говорю о том, что дурацкими методами они могут довести до большого серьезного кризиса. Необдуманная акция в сфере собственности сразу дискредитирует политику президента. Недоброжелатели сразу за это ухватятся, будут говорить: «смотрите, они такие же, они сно-

Клуб «Красная площадь»

ва решили проводить новые залоговые аукционы». Как только увидят повод, сразу скажут: «а, вы одним миром мазаны...», и поддержка президента уменьшится. То есть он будет восприниматься как человек, который, во-первых, покрыл старые приватизационные дела, да еще сам принялся за то же самое. Вот вам цепочка.

И они ждут этого, чтобы перехватить инициативу. Поэтому, они притаились в Лондоне и ждут, чтобы президент решился на эти шаги: сначала покрыл старые приватизационные сделки, потом сам в новых увяз. А через буквально два-три месяца после этого, они со своими «исками ЮКОСа» по всему миру и появятся. Вот сценарий, который пытаются запустить, другое дело – реализуется он или нет – это посмотрим.

Опубликовано ИА «Маркетинг & Консалтинг» 26 июля 2005 г.

Андрей Бунич. Позади ли потрясения?

Президент Союза арендаторов и предпринимателей, экономист Андрей Бунич имеет свой взгляд на итоги реформ и состояние экономики, которую он называет «экономикой парадоксов». Сегодня очевидно, что заявленные идеологами либерализма цели в процессе реализации странном образом обернулись противоположными результатами. Почему так произошло?

– Итак, Андрей Павлович, парадокс первый...

– Напомню, что приватизация проводилась под лозунгом создания эффективного собственника. В умы общественности внедрили стереотип: частник работает всегда лучше, чем чиновник. Однако за 15 лет ни на одном из бывших советских гигантов индустрии не произошло повышения эффективности.

– У вас есть объяснение?

– Тут много причин. Прежде всего неуверенность собственников в завтрашнем дне, поскольку многие приватизационные сделки были юридически сомнительны. К тому же скоро выяснилось, что можно, особо не напрягаясь, эксплуатировать скважины, рудники, заводы и присваивать не только природную ренту, но и сверхприбыль от экспортно-импортных операций. Мы почти не видим ни внедрения передовых технологий, ни новых форм организации и управления. Растаяли надежды на привлечение капитала: чем крупнее частное предприятие, тем меньше объем привлеченных инвестиций относительно его активов.

– Однако же административную систему заменили рыночные отношения. А конкуренция – важнейшее условие развития бизнеса...

– Да где вы видите конкуренцию? На нашем рынке правила игры диктует олигархический монополизм, который душит малый и средний бизнес. Про конкурентную среду идеологи реформ очень скоро и говорить перестали. Получив в руки крупнейшие предприятия, которые сохранили исключительное положение в экономике, хозяева первым делом постарались убрать или проглотить конкурентов.

Монополистические тенденции после приватизации только усилились. Мало того: административно-командная система мутировала. «Бюрократический бартер», «административный ресурс», «телефонное право» – это термины из современной хозяйственной практики. Симбиоз бюрократии с бизнесом переместил экономику в страну кривых зеркал. У всех крупных предприятий – свои условия налогообложения, кредитования, доступа к ресурсам, свой уровень тарифов и так далее. Как и при социализме, результаты зависят не от предприимчивости, а от близости к власти.

– Мы помним, что целью реформ было устранение недееспособной партхозноменклатуры, приход в экономику новых компетентных людей.

– «Новых людей» мы увидели разве что в период «семибанкирщины», когда почувствовавшие политический кураж олигархи едва не подмяли под себя все государство. Кадровой революции не случилось. Бюрократия оправилась от шока, приспособилась к переменам и снова

взяла под контроль бизнес. Приватизация производилась по большей части в интересах «своих людей». Суть была в том, чтобы конвертировать властные полномочия старой номенклатуры в контроль над собственностью и финансовыми потоками. Вначале было воссоздано «ЦК КПСС» – через «прихватизацию» предприятий директорами. А затем реанимировали «Политбюро» через залоговые аукционы. Их политическим смыслом было возвращение олигархии. Это назначенные чиновниками персоны, «уполномоченные» стать миллиардерами.

– Госкомстат подсчитал, что с начала 90-х из России за кордон вывезено свыше 160 миллиардов долларов. А ведь либералы уверяли, что после приватизации в нашу экономику пойдут инвестиции.

– Инвестиционный цикл подорван, новые хозяева эксплуатируют основные фонды на износ. Это лишний раз свидетельствует, что приватизация ключевых отраслей – нефть, электроэнергия, транспорт, связь – вообще оказалась лишенной какого-либо смысла. У нас вырос худший тип собственника – неуверенный, дерганый, ожидающий то ли браслетов на запястья, то ли экспроприации. Такой собственник значительно хуже государства, так как не несет ответственности за завтрашний день.

– Почему же собственник такой нервозный и пугливый?

– В процессе перехода к рынку экономическое законодательство было дискредитировано. Многие акционерные общества создавались в результате фиктивных, притворных, мнимых и ничтожных сделок. Масса нарушений связана с превышением полномочий участниками сделок. Например, президентскими указами раздавалась собственность, акции, здания, кредиты и т.д. Все это в принципе может быть отменено или оспорено. Нередко превышали полномочия и местные власти, раздавая объекты федерального подчинения. Приватизированные предприятия брали на себя обязательства, которые затем игнорировали – в части инвестиционных контрактов, соглашений о развитии, содержании социальной сферы.

Но апофеозом правового нигилизма стали залоговые аукционы. Всего их было 12, фигурировали в них ЮКОС, «Сибнефть», «Норильский никель» и другие. Ситуация с аукционами вообще не имеет логического объяснения. Правительству, напомним, внезапно понадобились 650 млн. долларов, которые можно было легко занять либо на рынке ГКО, либо на внешнем рынке – в сравнении с госдолгом в 150 млрд. долларов это были крохи. Но тут родилась идея заложить за упомянутую мизерную сумму акции крупнейших государственных объектов с суммарной капитализацией 100 млрд. долларов. Правительство проглотило наживку вместе с поплавком. А спустя два года государство «забыло» вернуть себе утраченное за бесценное имущество, и оно стало собственностью залогодержателей.

– Сегодня мы столкнулись с явлением, которое грозит социальным взрывом – расслоение общества на очень богатых и очень бедных. В прошлом году доходы десяти процентов «новых русских» более чем в 15 раз превысили доходы малоимущих.

– Напомню, что к началу 1992 года у нас все имущество числилось государственным. На выкуп фабрик и заводов денег на тот момент ни у кого и быть не могло. Поэтому через бесплатную – ваучерную – приватизацию социальное напряжение предполагалось снять, обеспечив ее народную поддержку. Идея была правильной: частная собственность должна быть честной. Но очень скоро при передаче собственности возникли противоречия, конфликты, и торжествовать стало право сильного – то есть приближенного к власти. К тому же очень скоро выяснилось,

что олигархи приватизировали лишь доходы, а расходы остались на государстве. Иными словами, государство не только не дало держателям ваучеров кусочек собственности (пресловутые две «Волги»), но и лишилось источников дохода, которые позволяли финансировать социальные программы. Естественно, это подстегнуло процесс социального расслоения.

Фарс ваучеризации, «прихватизация» лакомых кусков вызвали отторжение общества, которое не признало легитимности крупнейших собственников. И не признает до тех пор, пока те, кто получил за бесценок народную собственность, не возместят потери, которые понесла государственная казна.

– А как объяснить еще один парадокс: лидеры реформ – либералы, но построенная ими экономика даже отдаленно не напоминает западную?

– Вместо вестерна получился неофеодализм – союз бюрократа и олигарха. Рыночные механизмы внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции не работают, не существует реального ценообразования путем соотношения спроса с предложением, не соответствуют экономическим законам макроэкономические параметры, доминирует административный диктат.

Но главная беда в том, что такая экономика крайне неустойчива. После шоковой терапии и дефолта «имени Кириенко» всем казалось, что потрясения теперь позади. Но это не так. Пока сложившаяся в нашей экономике олигархическая, бюрократическая, криминальная структура не поменялась, кризис не только возможен, он неизбежен. Олигархическая структура не конкурентоспособна, она не в состоянии обеспечить стабильный рост ВВП.

– Грустная картина. Но на что же в таких условиях рассчитывать?

– Я надеюсь, что ближайший год в новейшей истории России станет поворотным пунктом. Что президент, сделав окончательный выбор, заставит правительство отказаться от либеральных догм и повернуть на путь серьезных экономических реформ, приступить к демонтажу олигархического строя и разумному, гибкому государственному регулированию, модернизации, инновациям, освоению новых технологий, поощрению малого и среднего бизнеса. Либо нас ожидает период стагнации, а в перспективе – очередная цветная или «бархатная» революция.

Беседовал Игорь Маргелов

Опубликовано в газете «Труд» 26 июля 2005 г.

Андрей Бунич. Мы смешали олигархам карты

СУД НАЧАЛ РАССМОТРЕНИЕ ИСКА О ПРИЗНАНИИ НЕЗАКОННЫМИ ИТОГОВ ЗАЛОГОВЫХ АУКЦИОНОВ

26 июля в Московском арбитражном суде состоялось первое слушание по иску о признании недействительными итогов залогового аукциона по нефтяной компании ЮКОС. Один из авторов иска – президент Союза предпринимателей и арендаторов Андрей Бунич – давно пытается публично доказать, что 10 лет назад под видом залоговых аукционов шло незаконное присвоение лакомых кусков госсобственности. Речь идет о 12 крупных сделках, в ходе которых за 650 миллионов долларов приближенные к власти олигархи заполучили активы на сумму 100 миллиардов. Это касается ЮКОСа, «Сибнефти», «Норильского никеля», «Сургутнефтегаза», Челябинского и Западно-Сибирского металлургических комбинатов, Новороссийского морского порта. Андрей Бунич считает, что государство обязано вернуть себе собственность, потерянную на залоговых аукционах.

– Андрей Павлович, что вас подвигло обратиться в суд?

– По закону любой гражданин может подать иск в защиту общественных интересов. В нашем случае речь именно о таких интересах: присвоенные посредством аукционов объекты ценной примерно 100 миллиардов долларов принадлежат всему обществу. Поэтому я и одна влиятельная юридическая компания обратились в суд. Иск нами был подан в Московский арбитраж в начале лета. Сейчас это делать было бы поздно, потому что вступила в силу 181-я статья Гражданского кодекса – о сокращении до трех лет срока давности по приватизационным сделкам. Наша мера была превентивной, и теперь под трехлетний срок давности итоги залоговых аукционов не подпадают.

– Сколько этот процесс будет длиться?

– Думаю, долго. Вряд ли такой вопрос решит первая инстанция. За иском в Московский арбитражный суд последуют наши обращения в апелляционную, кассационную инстанции, а потом – в Высший арбитражный и Конституционный суды. Олигархи считали, что сокращение срока давности по приватизационным делам спишет все грехи, но наши действия перенесли окончательное решение вопроса по залоговым аукционам на неопределенный срок. Так что они еще долго будут «на крючке»...

– Как прошло первое слушание в Московском арбитраже?

– Сложилось впечатление, что у судей пока нет позиции. Но присутствовали и адвокаты ЮКОСа, и представители Минфина, Российского фонда федерального имущества (РФФИ). Заседание перенесено на месяц – суду еще надо затребовать документы. Кстати, я неод-

нократно пытался раздобыть документы по залоговым аукционам, но руководство Росимущества утверждало, что их у него нет. Пусть теперь попробуют отказать суду.

– Почему именно с ЮКОСа начали? Пинаете лежачего?

– Какого лежачего? Если бы мы иск не подали и не стали оспаривать то, что «Юганскнефтегаз» на законных основаниях принадлежит ЮКОСу, то, уверяю вас, Невзлин и Ко уже попытались бы вчинить многомиллиардные иски российскому правительству. И зарубежные суды могли бы вынести решение в их пользу. На основании такого решения можно арестовывать не только наши самолеты и пароходы, но и доходы от экспорта нефти. Вспомните, как действовала фирма «Нога». После нашего иска чистота сделок по приобретению ЮКОСом активов стала спорной. Когда исходная сделка под судом, то для любого западного суда это стопроцентный аргумент против вмешательства.

Была у нас и другая цель – исключить возможность манипуляций активами всех участников залоговых аукционов. У любого олигарха мог возникнуть соблазн перепродать активы западным воротилам. Некоторые уже сделали бы это, если бы мы им игру не поломали. Пока исходные сделки не будут признаны в России легитимными, у них связаны руки. А если мы это дело еще и выиграем, то пересмотр итогов одного залогового аукциона предопределил исход по другим.

– И не жалко вам олигархов?

– Они меньше других в жалости нуждаются. Обратите внимание на такой факт: на протяжении последних лет государство старается максимально уменьшить внешний долг. А у наших частных компаний он удвоился и достиг 100 миллиардов долларов. При этом западные аналитики пишут, что за последние четыре года вывоз капитала из России составил 100 миллиардов. Думаю, речь идет об одних и тех же деньгах. На самом деле это сумма не возвращенных в страну средств, вырученных от экспорта нефти.

– А почему правительство молчит?

– Меня самого это удивляет. Я направил несколько запросов – реакции нет. Причина может быть тривиальная – крупный бизнес крепко повязан с властными структурами. Но если правительство все же захочет отстоять свои интересы, то наш иск даст возможность развязать узел и с уведенной у государства собственностью, и с невозвратом выручки от продажи нефти, бегством капитала. К тому же мы делаем прозрачной систему интересов в самой власти. Суды по нашему иску заставят засветиться тех, кто отстаивает олигархические интересы.

– В народе говорят: с сильным не дерись, с богатым не судись...

– Я в драку влез давно. Теперь уже поздно отступать. Хотя приятного мало. Один из олигархов уже вчинил мне иск – «за моральные и душевные страдания». Попутно неизвестные лица разгромили мой офис. В общем, делается все возможное, чтобы я погряз в своих проблемах и отстал от них. Но ничего не выйдет.

Беседовала Елена Владимировна.

Опубликовано в газете «Труд» 2 августа 2005 г.

Виктория Петрова. Кто заменит олигархов? Точка в деле залоговых аукционов еще не поставлена

После вступления в силу закона о сокращении сроков исковой давности с 10 до 3 лет олигархи и их сторонники пытаются утверждать, что сделки по залоговым аукционам 1995 года – единственные, которые еще можно оспорить, – якобы уже неоспоримы. Однако это не так. Президент Союза предпринимателей и арендаторов России Андрей Бунич и юридическая компания «Русатоммет» уже подали в арбитражный суд иски о признании и этих сделок недействительными. Они успели сделать это до вступления в силу нового закона. 26 июля состоялось первое судебное разбирательство по первой компании – ЮКОС. О ходе этого дела, а также об изменениях в структуре госсобственности и последствиях ухода олигархов рассказал известный экономист, президент Союза предпринимателей и арендаторов России Андрей Бунич.

Сделки по залоговым аукционам являются притворными сделками согласно статье 170 ГК РФ. Стороны только притворялись, что совершают залог, а на самом деле это была ловко замаскированная продажа. На тот период она была строго запрещена – решение о продаже вообще никто не принимал. Поэтому эти сделки должны быть отменены, несмотря на то что вступил новый закон о сроках давности. Окончательное решение по залоговым аукционам как минимум откладывается на неопределенный срок, поскольку для того, чтобы окончательно решить этот вопрос, необходимо провести все судебные заседания во всех инстанциях: не только в первой инстанции, а также в апелляционной, кассационной и в Высшем арбитражном суде. Не исключено, что потребуется и запрос в Конституционный суд. Поэтому утверждение о том, что так называемое дело о 100 млрд. закрыто, преждевременно. Более того, я не исключаю, что будет принято правосудное решение и эти сделки будут отменены.

Странно, почему этим должны заниматься я и представители юридической компании, а не уполномоченный орган правительства Российской Федерации – Росимущество.

Цель нашего иска двойная: с одной стороны, исключить возможные манипуляции – попытки продажи этих акций, переуступки их иностранным компаниям. С другой – этот иск страхует российское правительство в случае предъявления встречных исков о причинении ущерба на Западе.

Осенью будут происходить дальнейшие тектонические сдвиги в структуре собственности, но это не означает, что они будут иметь характер приватизации. Приватизация сейчас неактуальна, приватизировать нужно только неликвидное имущество. Эти изменения нужно понимать шире, а именно как реструктуризацию и инвестиции. «Юганскнефтегаз», «Газпром» уже под контролем государства. Не исключено, что скоро будет выкуплена и «Сибнефть». Поэтому сейчас попытка Росимущества во главе с Назаровым начать ускоренную распродажу многих объектов неуместна. Это может подрвать политическую стабильность в стране. Важна идеология реформ, чтобы люди понимали, что государство делает это не случайно, а для обеспечения инвестиционных и социальных программ. Кроме того, необходима

открытость и гласность в процессе приватизации. Ни в коем случае нельзя проводить крупные сделки тайком.

Отказываясь от открытости, они толкают президента на плохой путь, подставляют его. Его репутация – главный гарант стабильности в России – уже пострадала от монетизации, а если добавить еще и приватизацию, тут недалеко и до «бархатной» революции.

Неэффективная, по сути, тоталитарная олигархическая система экономики уходит в прошлое. Но возникает вопрос: что будет на ее месте? Новые олигархи? Путь у государства один – это новая концепция управления госсобственностью, пропаганда идей государственного регулирования. Кроме того, важно не позволить олигархам начать контригру – уходя, утащить вслед за собой президента, как было с Горбачевым после ликвидации Политбюро.

«Версия» уже писала о том, что для решения проблем в сфере собственности Андрей Бунич предлагает создать новый орган. На этот раз экономист рассказал о проекте подробнее:

«Комитет общественного контроля над приватизацией мог бы обеспечивать прозрачность работы Стабфонда, инвестиционного фонда, операций с золотовалютными резервами. В этот орган должны войти юристы, экономисты, политики, представители общественности, которые смогут грамотно обнародовать ключевую для страны информацию».

Будущее российской экономики Бунич возлагает на 100 приоритетных проектов, которые предлагает реструктурировать под надзором временной Комиссии по реструктуризации и инвестированию. «Скопившиеся нефтяные деньги сейчас позволяют России сделать прорыв в своем развитии, – считает Бунич. – Другой такой возможности может не быть. Нужно правильно вложить эти деньги в проект, который обеспечит 200—300-процентную рентабельность. И такой проект есть. Тогда это будет солидный капитал, который останется будущим поколениям. Правда, комиссия должна быть независима от правительства и от Росимущества и подчинена, возможно, только президенту».

Опубликовано в газете «Версия» 2 августа 2005 г.

Андрей Князев. Что ждет Россию после крушения олигархов?

Известного экономиста, руководителя Союза предпринимателей и арендаторов России (СПАР) Андрея Бунича астрологом не назовешь, но прогнозы на ближайшее будущее процессов в экономике, регулируемых как государственными органами и организациями, так и олигархами, он дать может. И довольно точные. Это и произошло во время пресс-конференции, прошедшей в пресс-центре РИА «Новости».

Уже в самом начале пресс-конференции Бунич в свойственной ему манере рассказал о том, что на сегодняшний день им совместно с группой юристов в Арбитражный суд Москвы поданы иски о признании незаконными и недействительными результатов залоговых аукционов 1995 года. Необходимость этих исков, по словам президента СПАР, была вызвана скорым вступлением в силу федерального закона, по которому срок исковой давности по недействительным сделкам сокращается с 10 до 3 лет. И если изначально срок исковой давности по залоговым аукционам наступал в ноябре – декабре текущего года, то в связи с новым законом он наступает значительно раньше, пояснил А.Бунич. Первое слушание (по делу ЮКОСа) должно было состояться в конце июля. Тема залоговых аукционов будет закрыта только тогда, когда закончатся все судебные разбирательства по ним, отметил А.Бунич. Олигархи думали, что проскочили. Они хотели представить дело таким образом, что в деле о 100 млрд. долларов (залоговые аукционы 1995 года) поставлена точка. Теперь ясно, что это не так. Окончательное решение перенесено на неопределенный срок. Это уже наша победа. Мы это сделали для того, чтобы все поняли, что вопрос не закрыт, что государство еще может истребовать свое имущество. А заниматься этим должен уполномоченный орган российского правительства – Росимущество. Между тем осенью нынешнего года могут произойти огромные изменения в структуре собственности, которые способны определить экономическую и политическую ситуацию в России на долгие годы. Не случайно сумма от произведенных сделок составляет 100 миллиардов долларов (по стоимости капитализации на 1995 год.) Как говорится, есть за что бороться, когда олигархическая система управления страной развалится. А в том, что это произойдет, А.Бунич не сомневается.

Рассказывая об изменениях, которые в последние годы происходят в структуре российской собственности, господин Бунич высказал мнение, что сейчас необходима четкая политика государства в сфере государственной собственности.

По его словам, сейчас в Российской Федерации обозначилась негативная тенденция – крупные сделки с собственностью проводятся негласно, незаметно. Эти изменения должны быть максимально открытыми, поскольку приватизационные сделки, если они проводятся тайно, крайне опасны. Олигархическая структура доказала в России свою неэффективность, и она должна быть демонтирована, но страшно то, что неизвестно, какой монстр или монстрик может появиться на ее месте. Ведь в свое время эта структура заняла место Политбюро ЦК КПСС, с такими же правами на господство в стране, причем не только над идеологией, но и над собственностью. Сейчас заменить одну структуру совершенно новой будет предельно сложно, предстоит разработать новую концепцию управления государственной собственностью, начать пропаганду идей государс-

твенного регулирования экономики и обеспечить открытость этого процесса. «Я готов на контакт с руководителем Росимущества Валерием Назаровым, к открытой дискуссии с ним – неоднократно предлагал ему встретиться в эфире пяти телеканалов, четырех радиостанций. А он никуда не хочет идти – ни на радио, ни на телевидение. Я ведь выступаю против продажи государственной собственности, которая может приносить доход государству, если она не приносит дохода – от нее нужно избавляться. Ведь торговцы на рынке с южных независимых государств и республик России поступают вполне логично, когда пытаются продать в первую очередь неликвид – подгнившие овощи, фрукты, снижая на них цену. А наше государство в девяностые годы даже не пыталось продать такие “подгнившие объекты”, а продавало на залоговых аукционах самые лакомые куски собственности. Только бы теперь не повторить те ошибки и на этот раз продать гнилые помидоры, оставив на потом хорошие», – так образно предостерег Андрей Бунич. Он считает положительным моментом то, что в плане приватизации на 2006 год нет крупных объектов. В нем в основном предприятия с количеством акций в федеральной собственности менее 25 процентов. Андрей Павлович уверен, что государству целесообразно избавляться от неэффективно работающих предприятий, в то же время законодательно закрепив контрольный пакет акций крупных стратегически важных предприятий в государственной собственности на десять лет.

И еще одно важное предложение высказал на пресс-конференции господин Бунич. Он считает, что следует создать комитет общественного контроля над приватизацией, который бы стал заниматься не только экспертизой приватизационных сделок и был дискуссионной площадкой, но и обеспечивал прозрачность операций по средствам Стабилизационного фонда, золотовалютного резерва. Позже эти функции могли бы перейти к Общественной палате. А пока этого не произошло, актуально делать упор не на приватизацию, а на реструктуризацию предприятий, выбрав 100 приоритетных проектов. Причем выбирать должна независимая организация.

Интересное и бесспорное мнение высказал господин Бунич по поводу развития малого предпринимательства при разрушении российской олигархической системы. «Ликвидация этой системы в первую очередь как раз и выгодна малому бизнесу, потому что сейчас, пока олигархи не платят в полном объеме налоги, малые предприятия в полном объеме от налогового бремени государство не освободит. Малые и средние предприятия – это реальный бизнес, а олигархи – это, по сути, чиновники, регулирующие рынок, причем плохо. Как только они уйдут, малый бизнес начнет развиваться нормально», – уверен Андрей Павлович.

Опубликовано в газете «Мир новостей» 2 августа 2005 г.

Андрей Бунич. Технология ГКЧП или реванш олигархов

ГКЧП 1991 года – это не просто историческое событие. Это еще и технология передачи власти, которая может быть использована в современной России. Главное в этой технологии – сохранение в структурах формальной власти «пятой колонны», людей, обреченных на политическое поражение, но продолжающих занимать до поры до времени ключевые посты. В 1991 году это были представители реакционной части Политбюро, которые понимали, что их дни сочтены: Янаев, Язов, Крючков, Лукьянов и другие. Тем не менее, именно с ними ассоциировалась на тот момент власть, и они своими действиями легко могли бросить тень на Горбачева – что они раз за разом и делали: Тбилиси, Вильнюс и, наконец, 19 августа. С другой стороны, эта технология предусматривает наличие раскрученного лидера, выступающего с полностью противоположных позиций – Ельцина. Усилиями ГКЧП ему создавался имидж борца с режимом, а сам он был фактически представителем той же самой группировки реакционеров в Политбюро, что и члены ГКЧП. Это стало совсем очевидно 19 августа и накануне, когда члены ГКЧП сначала предлагали Ельцину место Горбачева (об этом писал Гавриил Попов), а затем сделали все для триумфа Ельцина в августе. Характерно, что главой администрации Ельцина именно 19 августа был назначен Юрий Петров, который явно входил как раз в реакционную часть коммунистической верхушки – просто в суматохе никто уже на это не обратил внимание. Возможны два сценария действия ГКЧП – медленный, т.е. постепенная дискредитация лидера – это происходило с 1988 по 1991 год, и быстрый – т.е. путч 19 августа.

Теперь перенесемся в 2005 год. Что мы имеем сейчас? Путин отказался от коррумпированной и совершенно бессмысленной, с точки зрения интересов страны, команды – семейно-олигархической. Семья и олигархи сегодня – аналоги ГКЧП вчера. Они уже знают, что не нужны: отставки Волошина, Касьянова, арест Ходорковского это показали. Но у них еще очень много людей в Кремле, в Белом доме – это либеральные фундаменталисты, мощное лобби в СМИ – прежде всего на федеральных телеканалах. Кроме того, они располагают хорошей финансовой базой и поддержкой Запада (которые всегда будут поддерживать любые силы, которые действуют против национальных интересов – типа Семьи). Это так называемые «силы торможения» и конспиративная оппозиция Путину – т.е. сообщество людей, на самом деле заинтересованных в провале его политики, – при этом делающих вид, что они за президента. Эта конспиративная оппозиция может совершать подрывные действия с целью постепенного размывания рейтинга Путина – что мы и видим в последние 1,5 года. После отставки Касьянова прежде всего это, конечно, монетизация. Скоро может начаться приватизация, плюс еще другие акции по мелочи.

Просто нынешнее ГКЧП зеркально противоположно старому. Те были ярые коммунисты, эти – ярые демократы. Те доминировали в силовых структурах – эти в СМИ. Но сути это не меняет. В данный момент именно продвижение радикально-демократических, либеральных идей вызывает отторжение – поэтому новый Ельцин должен быть национал-патриотического и коммунистического разлива. Не случайно, Ходорковский из тюрьмы предрекает победу левых. Семья, олигархи, либералы, приватизаторы выдвинут на авансцену лидера, который с пеной у

рта будет клеймить как раз всех вышеперечисленных как можно громче – как Ельцин клеймил КПСС. Семейно-олигархический клан – это и есть КПСС сегодня.

Олигархи притаились в Лондоне и ждут, когда Путин возьмет на себя ответственность за приватизацию 90-х, а дальше совершит сам какие-либо сделки – вот тогда и начнется контринтрига. Осталось подыскать Ельцина – кто это будет, не важно. Касьянов не подходит, это очевидно – уж слишком труслив, перегружен капиталами и дачами. Но теоретики нового ГКЧП наверняка найдут подходящую фигуру – может быть, это окажется Rogozin (неслучайно, Ходорковский пишет об альянсе КПрФ и «Родины»).

Может ли Путин избежать этого сценария? Уверен, что да. Для этого ему надо окончательно и быстро распрощаться с представителями «пятой колонны», провозгласить новый курс – экономический и идеологический, отойти от либерального фундаментализма (который становится взрывоопасен), и самое главное, начать реальные экономические реформы, инвестировать накопленные нефтяные деньги в российскую экономику. Если хотя бы 50 млрд. долларов будут вложены в 100 приоритетных проектов, или хотя бы начнется их реализация – люди увидят реальное улучшение своей жизни, экономическое оживление, рост занятости и доходов – начнется российское экономическое чудо. А если начнется экономическое чудо (как в Японии, Южной Корее и других странах) – это определит политический расклад на 10 лет вперед и похоронит планы лондонских стратегов.

Опубликовано на портале «Полит.ру» 2 августа 2005 г.

Андрей Бунич. Сцилла всепрощения и Харибда национализации

Сегодняшнюю экономическую ситуацию в России характеризует явный кризис либеральных экономических идей, господствовавших среди экономистов и политиков на протяжении последних 10 лет, что порождает необходимость выработки новой концепции как основы для коррекции экономической политики государства.

Вполне очевидно, что концепция переходного периода уже не соответствует запросам общества, не дает базы для адаптации страны к условиям мирового рынка и встраивания российской экономики в мировую экономическую систему. Подход, основанный на идеологии «перехода», изначально предполагает существование двух диаметрально противоположных состояний экономики: советской административно-командной системы, которая любой ценой должна быть демонтирована, и некой идеальной либерально-рыночной, в которой разом заработают все рыночные механизмы.

Реальность оказалась совершенно иной. Исходное состояние нашей экономики не было исключительно планово-централизованным и административно-командным, в нем существовали скрытые рыночные механизмы: неформальное влияние и теневая экономика. Поэтому нельзя было начинать реформы без учета скрытых за фасадом централизованной экономики механизмов распределения, потребления инвестиций и контроля над собственностью.

В процессе реформ ранее невидимые и неформальные механизмы начали трансформироваться в видимые и формальные. Но, к великому удивлению реформаторов, идеальное рыночное состояние не возникало. Более того, оно и не могло возникнуть в принципе. В России сложилась совершенно уникальная система, вобравшая в себя и советские административно-бюрократические элементы, и некоторые сугубо рыночные реалии, но отторгнувшая другие очень важные рыночные механизмы. Эта система базируется на огромном теневом секторе, который вырос с 20% в советское время до 50% и более в результате реформ.

Так возникла косная и инерционная система, с большим трудом поддающаяся реформированию. Это ощущает на себе любой человек, реально вовлеченный в процессы экономических и административных преобразований. В связи с этим требуется иной подход к разработке экономической стратегии и тактики. Необходимо констатировать завершение переходного периода «построения в общем и целом капитализма в России», подвести итоги реформ 1991 – 2005 годов, проанализировать успехи и неудачи, определить и обозначить новый этап.

Конечной целью этой работы должна стать разработка рекомендаций, инвариантных схем и алгоритмов, которые могли бы быть использованы при подготовке конкретных планов и программ. Подход должен быть ситуационным: необходимо максимально уйти от детализированных рекомендаций и предложить набор типовых случаев, наиболее часто встречающихся ситуаций и способов поведения государства и хозяйствующих субъектов.

Экономическая реформа и управление государственной собственностью

В центре внимания любой концепции реформирования российской экономики неизбежно оказываются вопросы участия государства в экономике, государственного регулирования, управ-

ления государственной собственностью. Необходимость активной государственной политики в сфере имущественных отношений диктуется тем, что любые изменения в отношениях собственности играют определяющую роль в решении практически всех ключевых проблем российской экономики. Именно посредством отношений собственности можно решить такие базовые проблемы, как финансовое обеспечение социальной сферы, регулирование естественных монополий и вообще ограничение монополизма в экономике. Более того, без серьезных изменений в имущественном комплексе бесполезно даже пытаться что-то менять в социальной сфере. Ведь именно приватизация монополий в свое время создала ситуацию, при которой у государства не осталось средств на социальные программы, а приватизированные монополии получили возможность, прикрываясь псевдолиберальной идеей свободных рыночных цен, извлекать неограниченные частные доходы. При этом, как показывает история с ЮКО-Сом, они «забывали» даже с этих ничем не ограниченных доходов платить в бюджет налоги в размере 2 – 3 млрд. долл. в год. Фактически произошла приватизация доходов, при том что все расходы, как и ранее, остались бюджетными. Естественно, государство начало ощущать нехватку средств.

Таким образом, государство, во-первых, передало новым собственникам монопольные доходы, ограниченные лишь платежеспособным спросом, во-вторых – отказалось в пользу этих компаний от абсолютной и дифференциальной ренты, прибыли от экспортно-импортных операций, в-третьих – практически не увеличило, а зачастую и сократило налогообложение приватизированных предприятий. В таких условиях любые разговоры о реформах, экономическом росте, удвоении ВВП, финансовой стабилизации и накоплении бюджета неизбежно фокусируются на отношениях собственности.

Государству не может быть безразлично, как используется бывшая госсобственность, какова эффективность приватизации, как приватизированные предприятия пополняют налогами бюджет, как решаются социальные вопросы. Государство обязано проводить мониторинг работы крупнейших приватизированных предприятий.

Прежде всего приватизация этих предприятий была лишь номинально платной. Затем – она не достигла своей главной цели: увеличения эффективности работы и привлечения инвестиций. Кроме того, приватизация стратегически важных объектов осуществлялась волонтаристским путем на основе «штучных» указов и постановлений, зачастую в нарушение законодательства и всегда – в нарушение законов конкуренции. И, наконец, во многих случаях собственники получали предприятие на определенных условиях, прежде всего связанных с решением социальных вопросов (иногда целых районов), а также на основе разного рода соглашений и инвестиционных контрактов. Такие контракты – неотъемлемая часть приватизационной сделки, но впоследствии о них просто забывали.

Именно поэтому государство имеет полное моральное и юридическое право спросить новых собственников, что они реально сделали за 10 – 12 лет владения предприятиями, какие инвестиции привлекли, сколько дополнительных налогов уплатили, как обстоят дела в социальной сфере.

Разумеется, не следует утрировать данный подход и пытаться проверить каждое приватизированное предприятие. Речь идет о крупнейших предприятиях-налогоплательщиках, извлекающих монопольную сверхприбыль. В данном случае государство обязано проводить взвешенную, гибкую политику; оно должно пройти между Сциллой всепрощения и Харибдой национализации и тотальной централизации.

Регулирование имущественных отношений

Существует четыре группы предприятий, так или иначе подверженных регулированию со стороны государства.

Первая – федеральные государственные унитарные предприятия (ФГУПы), которые не подлежат и не подлежат приватизации и функционируют в соответствии с установками государственных регулирующих органов. К ним относятся и заведомо убыточные предприятия, в которых никто не заинтересован, и прибыльные, продолжающие приносить доход государству. В течение длительного времени государство проводило двойственную политику по отношению к ФГУПам. Иногда распродавалось имущество тех из них, которые могли бы приносить доходы, что называлось «отчуждением отдельных объектов недвижимости, имущества и имущественных комплексов, находящихся в федеральной собственности»; нередко не принимались в расчет нематериальные активы предприятия, а оценка осуществлялась на основе материально-вещественных критериев. При этом государство не предпринимало достаточных мер по активному вовлечению в хозяйственный оборот, финансовому оздоровлению и улучшению управления заведомо убыточных ФГУПов.

Для того чтобы малопривлекательные ФГУПы заинтересовали частный капитал, надо проводить предварительную работу, осуществляя инвестиции, предоставляя льготы по налогообложению, и главное – выравнивая условия вложения средств в рентабельные и нерентабельные производства и предприятия за счет дифференциации льгот и условий продажи.

Вторая группа – приватизированные предприятия, в которых государство сохранило контрольный пакет голосующих акций. Они мало отличаются от ФГУПов. Задачей государства в отношении подобных предприятий является надлежащее отстаивание своих интересов, активное участие представителей государства в выработке текущих и стратегических решений акционерного общества, координация экономической и промышленной политики.

Третья и четвертая группы – приватизированные предприятия, в которых у государства имеется миноритарный пакет акций, и приватизированные предприятия без акционерного участия государства, которые в силу определенных причин (например, экспорта части продукции) подвергаются регулированию со стороны государства.

Обычно наиболее тщательно анализируется участие государственных регулирующих органов в деятельности предприятий первых двух групп. Совершенно ясно, что предприятия первой группы, полностью управляемые государством, по большей части функционируют вне рыночных отношений, развивающихся в российской экономике. Промышленные предприятия второго типа в значительной степени сохранили организационные структуры, ориентированные на работу в системе отраслевых министерств и выполнение определенных наверху плановых заданий. Профессиональная ориентация их работников, в том числе руководящего уровня, не соответствует требованиям открытого рынка.

В процессе реформирования промышленности государство может воздействовать на хозяйственную деятельность акционерных обществ следующим образом: назначая представителей государства в органы управления при наличии закрепленных прав участия государства в уставном капитале; выдавая лицензии на право разработки и производства отдельных видов техники; проводя конкурсы на право выполнения государственного заказа и на право доверительного управления закрепленными в федеральной собственности пакетами акций; допуская к использованию кредит-

ных ресурсов на льготных условиях; давая возможность дополнительного кредитования и снижения процентной ставки по кредитам за счет принятия государством на себя части финансовых рисков. Дополнительно для усиления роли государства в управлении акционерными обществами осуществляется консолидация закрепленных в федеральной собственности пакетов акций и временно находящихся в распоряжении фондов имущества пакетов, предназначенных для продажи.

Одновременно необходима промышленная структурная политика на макроуровне и на уровне регионов. Ибо лишь на основе целевых программ и народнохозяйственных приоритетов можно принимать те или иные решения по поводу реформирования, реструктуризации и реорганизации как комплексов предприятий, так и основных видов их производственной деятельности.

Несмотря на кажущуюся сложность, государство имеет возможность воздействовать на имущественные отношения предприятий третьей и четвертой группы, используя такие инструменты, как: сбыт продукции, экспортные квоты, налоговые платежи, таможенные пошлины, антимонопольную политику, регулирование цен и тарифов, доступ к кредитным ресурсам.

Хорошо известны случаи, когда с виду успешные предприятия годами функционируют на грани банкротства, но при этом государство не предпринимает мер по изменению их имущественного статуса, хотя имеет все юридические и экономические основания для банкротства, реорганизации или передачи предприятия в доверительное управление.

Требуется повысить статус ведомства, курирующего имущественные отношения в рамках административной реформы и реорганизации правительства. Необходим единый орган, в котором сконцентрировались бы вопросы имущественной и земельной политики, а также банкротства, реструктуризации и финансового оздоровления.

В качестве первоочередной меры необходимо провести комплексный анализ 100 крупнейших приватизированных предприятий с участием не только представителей министерств и ведомств, но и широкого круга ученых, специалистов, практиков, предпринимателей и общественных организаций.

Реструктуризация промышленности

Одним из основных направлений деятельности государства должна стать масштабная реструктуризация промышленности в целом, производственных комплексов, отдельных предприятий и видов деятельности. Как показывает опыт реформирования хозяйственной деятельности производственных комплексов, реструктуризация – действенный инструмент интенсивного повышения конкурентоспособности предприятия. Она ни в коей мере не означает механического объединения производственных единиц без учета их интересов, прибыльности, самоокупаемости и эффективности. Подобные конструкции нежизнеспособны в принципе. Напротив, необходимо максимально полно учесть интересы предприятий и компаний в целом и встроить их в систему государственных приоритетов.

Полное использование потенциала роста хозяйственного объекта возможно лишь на основе его финансовой стабилизации. Для ее достижения предприятие должно привести структуру (мощности, имущество, земельные участки) в соответствие с объемом продукции, на которую имеется платежеспособный спрос, и одновременно провести реформирование системы управления финансами. Надо осуществлять изменения в организационной и производственной структурах, активах и задолженности, составе акционеров и управленческом аппарате. Эти мероприятия должны обеспечить выход как минимум на безубыточный режим работы.

Необходимо задействовать механизм использования имеющегося у предприятия имущества, привлечь финансовые ресурсы (возможно, путем дополнительной эмиссии акций) на основе по-

вышения инвестиционной привлекательности. Именно на этом этапе целесообразно либо изменение формы собственности, либо появление новых собственников и акционеров при одновременном формировании эффективной системы управления. Это не разовое мероприятие, а перманентный процесс, так как функционирование хозяйствующих субъектов происходит в условиях нестабильности, постоянного изменения внешней среды, новых вызовов, требующих соответствующего реагирования.

Реструктуризация производства происходит на трех уровнях: федеральном, субъекта Федерации и отдельного предприятия. Осуществляется она в два этапа: первый – оптимизация структуры и размера, эффективное распределение ресурсов, повышение конкурентоспособности и достижение безубыточности; второй – закрепление результатов, привлечение дополнительных финансов, изменение в структуре собственности, капитала, активов, задолженности, появление новых акционеров и создание эффективного механизма управления (как на самом предприятии, так и в возникших на его базе новых структурах).

Во многих случаях альтернативой приватизации могут выступать другие формы использования государственной собственности – передача не всех, а некоторых прав собственности.

Имеется в виду право пользования и распоряжение имуществом при сохранении права владения имуществом за государством. Это аренда (земли и недвижимости, лизинг, франчайзинг, коммерческая концессия) и доверительное управление (траст). На мой взгляд, эти формы могли бы использоваться значительно шире, особенно в случаях, когда приватизация на первом этапе привела к негативным результатам или когда предприятие в результате сформировавшейся задолженности снова оказывается в собственности государства, а реприватизация вызывает сомнение. В таких случаях можно было бы передавать предприятие в доверительное управление. Арендные же отношения надо развивать, так как аренда земли и недвижимости для государства намного эффективнее продажи имущества, ибо позволяет получать постоянный доход. Арендные отношения следует укреплять прежде всего с помощью защиты прав арендаторов, использования долгосрочной аренды: в этом случае арендатор мотивирован на привлечение инвестиций.

Если правительство обеспечит правовую защиту арендаторов, поддержит долгосрочную аренду (возможно, для этого потребуется принять новый закон «Об аренде» по аналогии с существовавшим в СССР в 1989 – 1991 годах), бессмысленность тотальной распродажи станет очевидной. Аренда обеспечивает государству не только устойчивый доход, но и более эффективное управление экономикой.

К сожалению, ущемление прав арендаторов, преднамеренная запутанность многих юридических вопросов, манипулирование со стороны государственных органов (в отношении условий договоров, сроков, ставок арендной платы), постоянные смены собственников на федеральном и местном уровнях скомпрометировали идею арендных отношений. Но, думается, сейчас пришло время вспомнить о проверенных во всем мире способах управления государственным имуществом. Кроме аренды земли и недвижимости значительный потенциал имеют лизинг (аренда оборудования) и коммерческая концессия в сфере недропользования, а также франчайзинг. Кстати, коммерческая концессия могла бы успешно дополнять доверительное управление в топливно-энергетическом комплексе, причем это очень хорошо сочеталось бы с внедрением рентных платежей и новых экспортных пошлин.

Необходимо совершенствование форм и методов госрегулирования отношений собственности. Речь именно о совершенствовании, а не о реформировании, так как это подразумевает

тонкую настройку механизмов регулирования, а не качественный сдвиг или переход к новому этапу. Государство может в гораздо большей степени влиять на экономические процессы, применяя косвенные методы, причем в каждом отдельном случае возможен комплекс точечных воздействий для достижения нужной цели. Это относится не только к случаям банкротства или предпродажной подготовки, но и подразумевает постоянную деятельность госорганов в области регулирования отношений собственности.

Согласно «Концепции управления государственным имуществом и приватизацией», цель государственной политики в области управления госимуществом: увеличение доходов федерального бюджета; оптимизация структуры собственности (на макро– и микроуровне); обеспечение предпосылок экономического роста; вовлечение максимального количества объектов госсобственности в процесс совершенствования управления; использование госактивов в качестве инструмента для привлечения инвестиций; повышение конкурентоспособности предприятий, улучшение их финансово-экономических показателей путем содействия внутренним преобразованиям в них и прекращения выполнения несвойственных им функций; оптимизация, переход к пообъектному управлению, определение цели государственного управления по каждому объекту (или группе объектов).

Решение указанных задач возможно посредством определения целей государственного управления, выбора способа достижения цели (в рамках установленных процедур), построения системы регламента, обеспечения эффективности путем максимальной экономии ресурсов и профессионализма управления.

Государство и приватизация

Несколько слов по поводу пересмотра итогов приватизации 90-х годов. Я считаю, что этот термин неверен, поскольку делает акцент на передел собственности. Следует говорить о необходимости исправления наиболее серьезных нарушений, допущенных в процессе приватизации, поскольку они подрывают экономику.

Юридические нарушения создают приватизированному имуществу очень сомнительную репутацию, чем в дальнейшем не содействуют капитализации акций этих предприятий. Особенно это касается залоговых аукционов, именно там были допущены вопиющие нарушения.

В результате у нас возник худший вид собственника: с одной стороны, он владеет собственностью, а с другой – постоянно ждет ее отъема.

Поэтому заработанные средства он старается переправлять за рубеж, а не вкладывать в отечественную экономику. Правда, это в наибольшей степени относится к крупным предприятиям, приобретенным на залоговых аукционах.

Что можно исправить, а что – нет? Первые два этапа приватизации, на мой взгляд, необратимы. Не стоит даже затевать об этом речь. Идея ваучерной приватизации (первый этап) была хороша, но ее дискредитировали. И изменить ничего нельзя: невозможно второй раз раздать ваучеры, невозможно изъять имущество, проданное под обеспечение ваучеров. Второй этап – так называемая директорская прихватизация. Все было сделано, в том числе Госкомимуществом, в интересах «красных директоров», по сути, превратившихся в собственников: контрольный пакет акций предприятия оказывался в их руках. Как правило, это были неэффективные собственники, поэтому и потребовалась приватизация, дабы обеспечить приход новых людей для развития предприятия. Ничего не исправишь, по этим сделкам уже прошли сроки давности. К тому же на предприятиях появились новые хозяева, добросовестные приобретатели. На этом сюжете тоже можно поставить крест.

Что можно и нужно сделать? Абсолютно реальная операция – отмена залоговых аукционов, прошедших осенью 1995 года. Они к приватизации не имели никакого отношения. Смысл операции заключался в том, чтобы обойти существовавший тогда запрет на приватизацию стратегических объектов.

Для возвращения к этим сделкам есть и политические, и экономические, и юридические основания. Я вовсе не сторонник полного огосударствления, но недопустимо позволять узкой группе лиц монополизировать стратегически важные предприятия. Олигархические группы, прибравшие к рукам ресурсы, лишили государство влияния на цены и тарифы. По этой причине продолжаются раскрутка инфляции и обнищание людей. Правительству остается лишь констатировать: на цены повлиять не можем, их назначают частные компании, рынок. Но даже в любимой нашими либералами Америке государство очень активно участвует в экономике, используя госзаказ и федеральную резервную систему. Во Франции все естественные монополии государственные. Мы же вынуждены слушать рыночные сказки.

В этой ситуации Путин должен сделать выбор – новый курс, имеющий в основе программу модернизации российской экономики. Она должна включать в себя: реструктуризацию промышленности; отказ от ускоренных выплат внешнего долга; использование накопленных от экспорта нефти финансовых ресурсов на технологический прорыв и государственные инвестиции в приоритетные проекты; борьбу с олигархами, монополиями и обеспечение конкуренции, поддержание малого и среднего бизнеса. Модернизация на деле подразумевает также отмену вопиющих незаконных приватизационных сделок – залоговых аукционов 1995 года, по которым через несколько месяцев истекает срок давности, переориентацию экономической политики на социальные нужды, начинающуюся с отмены монетизации льгот.

Все перечисленное можно осуществить лишь на основе кадровой революции: народ ждет, чтобы президент поганой метлой разогнал зарвавшихся коррупционеров и олигархическую обслугу. Именно такого Путина хочет увидеть страна.

Но есть и другой путь. Он заключается в продолжении так называемого либерального курса: попытке делать косметический ремонт в доме, который может рухнуть. В этом случае Путин имеет шанс повторить судьбу Горбачева – утратить доверие людей. И тогда он окажется в полной зависимости от аппарата, состоящего из людей, которые в течение последних 12 лет привыкли ловить рыбку в мутной воде, ослабление президента им на руку. Дальше смещение президента становится делом техники: предательство олигархических ставленников в аппарате, быстрая раскрутка при поддержке Запада российского Ющенко – Касьянова, и вот на дворе «бархатная революция». Действительно, если Путин уволил Касьянова, но продолжает касьяновский курс, то экс-премьер в какой-то степени прав, критикуя президента. Касьянов успешно проводил олигархическую либеральную политику, зачем было его отставлять и затевать историю с ЮКОСом? Поэтому единственным логичным шагом Путина может быть объявление нового курса, что делает отставку Касьянова понятной и оправданной.

Решится ли президент на смену курса или нас ждет «бархатная революция»? Ответ на этот вопрос мы можем получить уже в ближайшем будущем.

